

Disney

Лиз Брасвелл

Красавица
и
Чудовище

и Другая история и
Бель

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Liz Braswell
BEAUTY AND THE BEAST
Copyright © 2017 Disney Enterprises, Inc.
All Rights Reserved

Брасвелл, Лиз.

Б87 Красавица и Чудовище. Другая история Белль / Лиз Брасвелл ; [пер. с англ. Е. Ефимовой]. — Москва : Эксмо, 2017. — 448 с. — (Disney. Неизвестная сказка).

ISBN 978-5-699-91085-4

Только представьте, что могло бы случиться, если бы ваша мать, могущественная волшебница, обрекла на гибель целое королевство, а вам выпала судьба все исправить? Можно ли обернуть время вспять и разрушить чары?

Белль никогда не думала, что ее жажда приключений будет удовлетворена таким причудливым образом — она попадет в замок к принцу, которого превратили в Чудовище. Но Белль не та девушка, которая, оказавшись пленницей в таинственном месте, станет сидеть сложа руки. Тем более что теперь именно от нее зависит судьба всего заколдованного королевства. Сможет ли Белль в одиночку противостоять не только магии, но и куда более приземленному злу, которое опутало ее родной городок?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-91085-4

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Часть 1

Давным-давно

Давным-давно в одной далекой стране жил в великолепном замке юный принц. У принца было все, чего только могло пожелать его сердце, и все же он был испорченным, себялюбивым и злым.

Как-то раз холодной зимней ночью в замок пришла старая нищенка и попросила разрешения погреться в тепле, а в обмен предложила принцу кроваво-красную розу. Принцу не понравилась изможденная старуха, он с презрительной улыбкой поглядел на ее подарок и прогнал нищенку, но та предупредила его, что не стоит судить только по внешности, ведь истинная красота не снаружи, а внутри. Принц снова велел нищенке убираться прочь, и в тот же миг уродливая старуха превратилась в прекрасную волшебницу.

Принц хотел извиниться, но было уже слишком поздно: волшебница увидела, что в сердце юноши нет доброты. В качестве наказания волшебница превратила его в ужасное чудовище, а также заколдовала замок и всех его обитателей.

— До своего двадцать первого дня рождения ты должен стать таким же прекрасным *внутри*, каким ты был снаружи. Если не научишься любить других — и если никто не полюбит тебя, — то в тот миг, когда упадет последний лепесток, ты, твой замок и все его обитатели будете прокляты и преданы забвению *навечно*.

Стыдясь своего отвратительного вида, Чудовище спряталось в замке, и единственным окном во внешний мир ему служило волшебное зеркало.

Шли годы, он впал в отчаяние, потерял всякую надежду, и немудрено: разве может кто-то полюбить чудовище?

Отличная история.

Она часто служила развлечением для женщины, что лежала прикованная к жесткой холодной кровати в темной комнате, похожей на нору.

Женщина годами повторяла в уме эту сказку.

Иногда она вспоминала отдельные моменты по-разному, например, роза могла быть розовой, как рассвет над морем, хотя, конечно, это звучало не так эффектно, как «крово-красная».

И та часть в самом конце, где волшебницу подкарауливают у выхода из замка, бросают в черную карету и тайно похищают в ночи, тоже звучит не очень-то впечатляюще. Женщина никогда не вспоминала эту часть истории.

Любой другой на ее месте давно сошел бы с ума, лю-

бой другой давно сдался бы перед лицом бессрочного заточения в темнице, забыл бы самого себя.

Порой мысли женщины действительно становились безумными, снова и снова вращаясь в пустом чайнике, в который превратилась ее голова. Если бы она не проявляла осторожность, мысли давно стали бы слишком резвыми, неуправляемыми и попытались бы вырваться наружу через трещины в ее сознании.

Но так приходит безумие, а женщина пока не сошла с ума.

За десять лет она почти забыла, кто она такая, но не до конца...

Шаги в коридоре.

Женщина зажмурилась крепко-крепко, чтобы не впустить внешнее безумие, которое пыталось вторгнуться в ее личное черное безумие.

Голоса. Опять шаги. Шарканье метлы по бесконечному склизкому полу. Звяканье ключей.

— Не стоит, там никого нет.

— Так ведь дверь заперта. К чему запирают пустую комнату?

Следовало кричать, шуметь, разбить что-нибудь, только не дать этому диалогу повторяться — с небольшими вариациями — снова и снова, как происходило последние четыре тысячи дней.

— О-ох, эта дверь заперта. А ты слышишь что-нибудь в этой комнате?

— Эта дверь закрыта. Думаешь, она заперта?

— Та, что внизу, заперта, только я не помню, поместили туда кого-то или нет.

Казалось, будто Бог так и этак меняет текст в дурацкой пьесе, в которую превратилась ее жизнь, и никак не придет к окончательному варианту.

Следующие две минуты полностью предсказуемы: так нашкодивший ребенок ёжится, понимая, что сейчас его будут ругать родители.

Поворот ключа в замке.

Дверь со скрипом открывается.

Отвратительная физиономия, пугающая уже только тем, что она изо дня в день одна и та же, удивленное выражение на ненавистном лице.

Мерзкое лицо принадлежит женщине, в одной руке она держит ключ, в другой — поднос. За ней в коридоре маячит другая тетка, у той в руках швабра. А за спиной второй женщины стоит высокий молчаливый мужчина — он тут для усмирения тех заключенных, которые не привязаны.

Узница открывает глаза, ее любопытство берет верх над инстинктом самосохранения. Сегодня на подносе *четыре* миски с похлебкой. Иногда их пять, иногда три. А порой только одна.

— На твоё счастье я прихватила дополнительную порцию, — говорит тетка с подносом и усаживается, так что ее грязные юбки и фартук вспучиваются парусом.

Эта фраза никогда не меняется.

Узница визжит, не в силах сдержаться, не в силах отвести глаз от удручающего зрелища — жидкой овсянки, которой ее кормят изо дня в день.

Тетка со шваброй возмущенно бормочет:

— Уж поверь, про новенькую я ничего не слыхала. Хотя, право слово, такое отребье следует держать под замком.

— Да уж, эту так точно. А ну-ка, доедай.

Женщина говорит это с неизменной фальшивой нежностью. Миска наклоняется все быстрее, мерзкое варево стекает по щекам узницы на шею, и та против воли изо

всех сил натягивает цепи, пытаясь собрать языком последние капли до того, как миску уберут.

— Эта достаточно взрослая, чтобы быть матерью, — равнодушно говорит женщина с овсянкой. — Только подумай, они рожают детей, растят их и все такое.

— Они словно животные. Звери тоже выращивают своих детенышей. Не знаю, зачем их тут держат. Поубивать бы всех разом, и вся недолга.

— О, за этим дело не станет, не сомневайся, — глубокомысленно замечает карга с овсянкой. — Недолго им осталось.

Вот только прошло уже десять лет.

На этот раз эта ведьма уходит, не отпустив ни одной банальности. Закрыв дверь, она тут же забывает о существовании узницы и уходит.

Назавтра... и через день... и через два дня вся эта сцена повторится снова: две мерзкие карги впервые войдут в комнату... Да, для них это будет впервые.

Пленница завизжала в последний раз, отчаянно и безнадежно, а потом над ней сомкнулась тьма.

Придется начинать историю с начала. Если начать рассказ с самого начала и хорошенько его приукрасить, все будет хорошо.

Давным-давно в одной далекой стране жил в великольном замке юный принц...

Прежде начала

Давным-давно, немного раньше, чем в прошлый раз, было одно королевство, название и само существование которого давно позабылись. Остальной мир сражался за право управлять новыми землями, раскинувшись за морями, изобретая в этой борьбе всё более смертоносные виды оружия и щедро насаждая собственную религию среди иноземных народов. А это богатое королевство просто *было*.

В стране этой имелись плодородные поля, дремучие леса, богатые дичью, чистенькая деревушка и красивейший замок, так и просившийся на почтовую открытку.

Королевство уместилось в уютной долине, вдали от больших дорог, и благодаря этому привлекало умных искусников, не похожих на других: чаровников. Они бе-

жали туда, спасаясь от наступавшего на Европу нового мира.

Маленькое королевство благополучно пережило эпохи Средневековья и Ренессанса, и лишь теперь в него все-таки начали проникать недуги цивилизованного человечества.

Однако же там по сию пору жили самые настоящие гадалки, умевшие предсказывать будущее, крестьяне, владевшие искусством добывать воду из камня во время засухи, и фокусники, взаправду превращавшие мальчиков в голубей (и иногда обратно в мальчиков).

Еще королевство притягивало тех, кто, не обладая определенными *силами*, мог тем не менее похвастаться разными необычными талантами и умениями — словом, тех, кто чувствовал себя не в своей тарелке среди обычных людей. Неудачники и мечтатели, поэты и музыканты, забавные чудаки, отвергнутые миром, — все находили здесь приют.

Одним из таких людей был молодой Морис. Он родился в семье простого лудильщика и с самого детства хотел странствовать, а еще — чинить и изобретать. В отличие от своего отца Морис почувствовал перемены в древнем воздухе Европы, замечательные, механические перемены. Он грезил о будущем, в котором полно работающих на пару ткацких фабрик, воздушных шаров, способных переносить людей в дальние страны, и печей, умеющих самостоятельно готовить еду.

Твердо решив стать частью всего этого, Морис, памятуя о прошлом — паровых машинах Геро — и не забывая о настоящем, жадно выпрашивал всех, кто мог из первых рук поведать ему о чудесах, про которые он так много читал. Он пытливо смотрел по сторонам, высматривая шестеренки, поршни и научные эксперименты.

Однако Морис осознал, что одними странствиями сыт не будешь: ему требовалось место, где можно посидеть и подумать, повозиться с серьезными вещами — машинами, для которых нужно много топлива и плавильные печи. Место, в котором можно хранить все его барахло.

Короче говоря, ему был нужен *дом*.

Следуя велению сердца, внимательно прислушиваясь к людской молве, Морис забрался в самый отдаленный уголок Европы, совершенно не похожий на остальной мир.

Сначала молодой человек остановился в крохотной деревушке, в которой были все условия для работы с водяным колесом. Однако, понаблюдав за тихой провинциальной жизнью местных обитателей, с ужасом косившихся на тележку изобретателя, полную защитных очков, всевозможных инструментов и книг, Морис понял, что ему здесь не место.

Он переправился через реку и, поплутав по лесам, набрел на странное королевство, в котором запросто можно было увидеть человека, шепчущегося с черной кошкой — а кошка еще и ответить могла. Тут спокойно можно было зайти в трактир, даже если ты весь покрыт серебристой пылью после целого дня работы, посидеть и выпить, и никто не косился на твои защитные очки со слюдяными стеклами. Местечко в самый раз для него.

Морис быстро свел знакомство с несколькими парнями из местных и в итоге стал снимать угол вместе с одним из них.

Аларик, парень, любивший животных намного больше машин, умудрился найти им дешевую комнату на заднем дворе одной конюшни, где сам частенько подрабатывал конюхом.

Комнатушка, надо сказать, была крошечная, да и лошадьми там попахивало, зато она располагалась рядом с большим общим двором. Морис немедленно начал сооружать там кузнечный горн, печь для обжига и рабочий стол.

Молодой человек с радостью брался за любую тяжелую работу, чтобы скопить хоть немного денег на свои будущие исследования. Он убирал с полей камни, таскал на плечах снопы, а сам все думал о пределе прочности разных металлов, свойствах сплавов, о том, как изготовить идеально ровный цилиндр, который потребуется ему в ближайшее время.

— Наш старина Морис опять мечтает, — говаривали работавшие вместе с ним здоровые парни, хлопая изобретателя по плечу. Но эти слова неизменно произносились уважительно и сопровождались улыбкой — точно так же работники шутили, когда называли Жозефу, служанку из таверны, Черной Ведьмой. Рука у девицы была тяжелая, и подзатыльники раздухарившимся выпивохам она отвешивала не задумываясь.

В конце лета все крепкие молодые мужчины работали в полях — даже Аларик, предпочитавший ухаживать за лошадьми, а не собирать овес. Каждый вечер после целого дня под палящим солнцем молодые люди, потирая ноющие спины, брели обратно в город, и хотя в горле у них и пересыхало, неизменно распевали песни. Разумеется, они шли напрямиком в заведение Жозефы.

Как-то вечером друзья Мориса собрались в таверне, а сам он задержался — отряхивал с одежды пыль и пытался хоть немного привести себя в порядок — и стал свидетелем интересной сцены.

Высоченный и очень крепкий на вид мужчина стоял, широко расставив ноги, и грозно хмурился. Интересно, но дальше случилось нечто еще более интригующее.